

**«...Поздравляю вас с победоносным завершением
Великой Отечественной войны!..»**

За окном начинало смеркаться; короткая стрелка часов показывала на шесть вечера, пока тонкий светлый тюль пропускал яркие лучи закатного солнца, что с каждой минутой все сужались, намереваясь пропасть и вовсе. Подле окна был диван, поверх которого – старый плед, повидавший слишком много: потертый, витиеватые цветочные узоры на нем выцвели, и пыль собиралась клочьями; никто не садился здесь, предпочитая устроиться или за коротким маленьким столиком в другом углу комнаты, или занять два одиноко стоящих кресла вдоль стены. На диване же всегда сидела бабушка, словно это место принадлежало ей целиком и полностью. Пожилая женщина горбилась, постоянно облизывала тонкие старческие губы, и длинные седые волосы ее были подвязаны платком, не меняющимся день ото дня. Старушка часто молчала, пускай и любила до ужаса принимать у себя гостей, но пустым разговорам предпочитала просто *слушать*: как у кого прошел день, какие люди окружают, какие планы на будущее и прочее, прочее, прочее...

Тогда по какому-то малоизвестному радиоканалу начали крутить песни военных лет, и привычную доселе тишину разогнали ласковые гитарные мелодии. Они, невидимые, кружили в воздухе, долетали с первыми балладными строками до бабушки и внука, приехавшего погостить на какое-то время; удивительно, как с первых секунд работающее радио, до этого просто разговаривавшее с самим собой просто где-то на фоне, завладело вниманием двух людей в этой комнате. Время, казалось, замедлилось, а может, даже совсем перестало идти.

Внезапный тихий женский голос прервал поющий мужской голос:

– Когда все только началось, никто не знал, что и делать, – внук повернул в сторону бабушки голову, распахнув от удивления глаза: она никогда не говорила о войне, даже когда ее об этом просили. – Мы были вынуждены учиться, кажется, всему: экономить, трудиться едва ли не по двадцать часов, мириться с горечью от покинувших наши семьи мужчин... Тогда же никто не знал, вернутся ли они домой или нет, – мы надеялись на лучшее, но с каждым новым днем становилось все хуже, пока однажды с фронта нам с матерью не пришло свернутое в треугольник письмо: писали, что отец героически погиб на поле боя, защищая Родину. Мы плакали целый день, плакали и работали – никто не давал поблажки, не предлагал отдохнуть, видя, как тяжело дается стойко справляться с утратой. Это были поистине тяжелые времена...

Внук уже было открыл рот, чтобы вымолвить что-то утешающее, поддерживающее, лишь бы только уверить, что он *услышал*, но слова

скопились в горле, липким комом встали поперек, и все, на что он был способен, так это на немое изучение старческого лица перед собой. Пауза длилась недолго – бабушка продолжила:

– Прошел год, два, и эмоции начали стихать. Никто больше не плакал над смертью близкого; это страшно, но мертвецов просто уносили в здания больниц, и большая фура вывозила неживые тела. Куда – неизвестно, да никто и не спрашивал, своих проблем было полно... Помню, как-то раз соседский мальчик, весь исхудалый – на него было страшно глядеть – решил украсть неположенный кусочек хлеба, чтобы отдать своей матери, что уже лежала при смерти. Он не смог – съел по дороге, а когда пришел, то так долго плакал и кричал, что я всю ночь не могла сомкнуть глаз от того, насколько больно было слышать мольбы о прощении. Мать его умерла через пару недель, а затем пропал и он сам...

Бабушка еще долго рассказывала о том, как тяжело было просто *жить*, как ноги едва ли держали, а руки постоянно опускались, не в силах удерживать вещи. Ее глаза то и дело наполнялись слезами, но она смахивала их платком и продолжала, пока не запнулась. Радио начало передавать «Катюшу», и лицо бабушки озарилось улыбкой – она с упоением начала рассказывать о том, как в один день проснулась и почувствовала, как расцветает все внутри ее души, окаменелой за эти пугающие годы, потому что радиовещатель сказал давно желанные, но такие, казалось, далекие слова: «...Поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны!..».

Внук все слушал и не смел даже на секунду отвлечься, а когда бабушка всхлипнула, прошептав последние слова своего рассказа, он вытер налившиеся слезами глаза тыльной стороной ладони: ни одна история еще не пробирала его до кончиков пальцев.